

Сведения об авторе

Трошина Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 163060, г.Архангельск, ул. Воскресенская, д. 112, кв. 17, +79115710466, tatr-arh@mail.ru

Т.И. ТРОШИНА, Архангельск, Российская Федерация

1917 год в северной деревне.

Население России, разбросанное на 1/6 части земного шара, расплыено, очень редко и потому не в состоянии организованно выступить сразу и действовать планомерно.

П.А. Сорокин¹.

1917 год можно рассматривать как начало «новой эры» и как окончание старой. В деревне носителями социальных инноваций сначала была местная интеллигенция, прежде всего учительство, а затем, в последние месяцы революционного года, - возвращающиеся фронтовики и земляки-отходники, покидавшие голодные города.

Сами крестьяне, как было неоднократно в предыдущие периоды истории, стремились воспользоваться ослаблением старой власти, чтобы решить свои традиционные проблемы. Прежде всего, это был «вопрос о земле». В огромной и многоукладной стране и здесь были свои региональные особенности; так, для крестьян северных губерний Европейской России, где земледелие не являлось основным видом деятельности, важнее была проблема промысловых угодий (лесов, водоемов), что напрямую связывалось с утраченными правами на владение и пользование территорией. Следует отметить, что северные крестьяне периодически занимались коллективными (всем «обществом», а случалось, и целой волостью) порубками леса, что нередко носило чисто демонстративный характер. Или перекрывали казенные земли, которые продолжали считать своими, для любого вида их эксплуатации посторонними лицами (эта деятельность чаще имела экономическую подоплеку, и после соответствующей уплаты «отступных»

доступ к использованию природных ресурсов и транспортным путям открывался).

Подобные действия со стороны крестьян возникали спонтанно; наиболее массовыми они были в годы Первой русской революции, что известно из многочисленных отчетов местных чиновников и полицейских чинов, из судебных дел. В отношении революционного 17-го года информацию о традиционных крестьянских выступлениях приходится выискивать буквально по крупицам.

Наиболее репрезентативные документы, по которым историк может судить о революционной эпохе, оставлены носителями «новых идей», поскольку именно сельская интеллигенция и образованная мужская молодежь, возвращавшаяся из городов и с фронта, активно включались в земскую, а затем и советскую работу, агитируя крестьян принимать на сходах соответствующие постановления. Крестьянская жизнь шла как бы параллельно этому политическому активизму; с точки зрения многих агитаторов, деревня находилась в «сонном» состоянии. Центральная и местная власть калейдоскопически менялась; крестьяне на сходах подписывали все предлагаемые им резолюции – от поддержки Временному правительству и «войны до победного конца» до обязательного школьного и доступного высшего образования (сохраняя при этом за собой возможность всегда «отказаться» от подписи, ссылаясь на малограмотность или «непонимание» навязанной резолюции). Даже неплохо знавшая деревню сельская интеллигенция находилась в счастливом убеждении, что крестьяне постепенно поддаются революционной агитации.

В революционный 17-ый год в деревне уже не было чиновников по крестьянским делам, урядников, других официальных лиц, обязанных информировать обо всем, происходящем в деревне. Даже сельская интеллигенция, занятая своими «делами» (учителя «ушли» в политику, священнослужители были заняты проблемами выживания в условиях устремлений крестьян лишить церковные причты надельной земли) не фиксировала, либо фиксировала субъективно, со своей точки зрения, жизнь деревни. Периодически и спонтанно происходящие разграбления помещичьих усадеб, земельные переделы, организуемые нередко на весьма примитивных принципах «справедливости», прочие случаи подобного переустройства деревенской жизни в глазах сторонних наблюдателей выглядели как хулиганство или, напротив, как проявление гражданского неповиновения. Крестьянами же они воспринимались как восстановление их законных, попраных властями прав.

Источниками о происходившем в деревне служат скудные сведения, просочившиеся из жалоб в революционные органы власти на «самовольные и самочинные действия отдельных лиц и групп»²; из информации в местной прессе о «происшествиях»; из позднейших воспоминаний участников революционных событий в деревне³.

Убедиться, что эти явления не были реакцией на вызовы современности, а явились актуализацией традиционных социальных представлений, позволяет анализ всех предшествующих жалоб крестьян в органы власти (начиная с «наказов» в Екатерининскую «Уложенную комиссию») и сведения, полученные из различных наблюдений за «народной жизнью». Они показывают, что в северных губерниях земельный вопрос не стоял остро, но сохранялся, касаясь различных приграничных межобщинных споров.

Государство не всегда прислушивалось к желаниям крестьян, и территориальное деление (отнесение деревень к тому или иному сельскому обществу, к волости, к церковному приходу) нередко осуществлялось, исходя только из удобств административного управления. Ослабление государственной власти сопровождалось активным «делением» не только губерний и уездов, но волостей и сельских обществ⁴.

Трения между сельскими обществами, связанные с земельными спорами, чаще всего сохранялись от «дообщинного» периода. Государственное межование, начатое здесь в конце XVIII века, зафиксировало фактическую ситуацию, что в результате привело к чересполосице и неудобствам для крестьян: например, проданные или отданные крестьянами в приданое за дочерьми земельные участки после введения в 1830-е гг. поземельной общины могли оказаться во владении соседнего общества.

Не сумев по суду вернуть спорные участки, крестьяне в некоторых случаях находили устраивавший всех вариант: например, в Верховажской волости Вельского уезда Вологодской губернии спорную землю отдавали в аренду, а на вырученные деньги устраивали общий «пир». Но революционное безвластие подтолкнуло решать подобные вопросы с опорой на право силы. В 1917-1918 годах происходил массовый захват спорных земель, и если обиженная сторона, то есть то общество, право которого на спорный участок поддерживалось «старым» законом, надеялась на разрешение спора в судебном порядке, то «захватчики» являлись для выяснения вопроса «с гиканьем и воинственно поднятым над головой дрекольем»⁵.

Так, в Вельском уезде «происходили серьезные конфликты из-за неясности границ между деревнями». Крестьяне двух соперничавших из-за

лугового участка деревень решили одновременно выйти туда для сенокоса. Одни считали, что луг принадлежит им «по закону», другие – что «бывший староста, имевший в соседней деревне родственников, передал <луг тем> “по злобе” и за большую взятку». Собравшиеся мужики были вооружены косами и держались воинственно; членам уездного земельного комитета удалось убедить их поделить спорную землю «по едокам», пообещав в дальнейшем провести справедливое землеустройство⁶.

Кроме пашенных и луговых земель, предметов споров в революционную эпоху стали и другие земли, когда-то переданные крестьянскими обществами для промышленного освоения инородным элементам. Так, крестьяне соломбальских деревень (пригороды Архангельска) передали часть своих земель за соответствующие регулярные выплаты предпринимателям для устройства лесопильных заводов, бирж, портовых сооружений.

Подобные договоренности были и с другими предпринимателями, которые устраивали смолокурные, салотопные, кожевенные, солеваренные и прочие предприятия, работавшие на местном сырье, на землях, принадлежащих крестьянским обществам (или каковые крестьяне считали своими). Подобные предприятия давали крестьянам работу и заработок, и проблема этим снималась. Однако в условиях революции у населения возникало искушение обложить владельцев заводов различными дополнительными поборами в пользу «общества»⁷.

Государственными законами некоторые земли объявлялись местами общего пользования; например, дороги и придорожные полосы, участки выхода к рекам (в том числе для организации сплава леса). Разграничение интересов между крестьянами и новыми пользователями основывалось как на законах, так и на тех выплатах, которые выдавались общинам в связи с отчуждением у них земель. В революционную эпоху у населения начали всплывать воспоминания о том, что эти земли принадлежат им, и возникали случаи феодального способа взятия ренты за ее использование (за проезд по ней и проч.)

Население деревень, расположенных вдоль рек, по которым осуществлялся сплав леса к заводам, требовало выкуп за право пользования «своими», как они считали, водными ресурсами⁸.

В Пинежском уезде вооруженные топорами крестьяне выпроводили за пределы своей волости направленных Архангельским губисполкомом для сплава реквизированной у лесозаготовителей древесины, заявив, «“что лучше не ходите, а то будете в реке, лес-де наш и вам... делать здесь нечего”»⁹.

Проживавшие на Кольском побережье крестьяне традиционно заявляли «права своей общины на владение всеми прибрежными водами около их

селения», поэтому отбирали у чужих всю выловленную рыбу. Колонисты Муманского берега «приезжим поморам-рыбакам создают разного рода конфликты и всячески притесняют их», требуя, под угрозой «разрушить их рыбацкие избышки», чтобы «приезжие рыбаки искали другие места промыслов»¹⁰.

Притязания стали появляться и к землям, отчужденным для железнодорожного строительства. Так, крестьяне Наволоцкой волости Онежского уезда постановили «“обложить” домохозяев [железнодорожной] станции Плесецкая налогом на дома и капиталы, пригрозив, в случае полной или частичной неуплаты, конфискацией имущества и судом революционного трибунала»¹¹ (подобные формулировки появились уже под влиянием вернувшихся в деревни фронтовиков)

Более всего проблем возникало в отношении пользования лесами, которые находились во владении казны и под защитой государственных органов. Издавна привыкнув расчищать участки для земледелия и травосеяния «подсечно-огневым» способом, северные крестьяне видели в запретах свободно распоряжаться лесными угодьями нарушение своих исконных прав. Ослабление контроля за лесами привело к тому, что в 1917 г. «лес был изрежен массовыми неорганизованными хищническими порубками»¹² Хозяйственными органами отмечалось, что «крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки. Леса... как будто превратились в собственность тех, кто рядом живет»¹³.

Пока население руководствовалось получением дополнительной выгоды, их действия не были слишком агрессивными. В случае же возникновения жизненно необходимой экономической причины крестьяне стремились к захвату не только «своего» (с их точки зрения), но и чужого, если могли найти этому хоть какое-то оправдание.

В 1917 г., когда начались перебои с поступлением продовольствия в неземледельческие районы, начались форменные грабежи на дорогах, в первую очередь хлебных грузов. На водных путях в пределах Олонецкой губернии крестьянами таким образом было захвачено около 240 тысяч пудов продовольствия¹⁴. На реке Шексне захват барж, доставлявших хлеб в Петроград, происходил следующим образом: крестьяне, человек двести, «кто с топорами, кто с баграми и даже с охотничьими ружьями», подплывали в лодках к грузовым баржам, «обрубали буксиры пароходов, в результате чего баржи были вынуждены причаливать к берегу. Крестьяне разбирали хлеб и развозили его по домам. Конвой, сопровождавший грузы, ничего не мог

поделать – силы были неравны, крестьяне демонстрировали, что выстрелов не боятся»¹⁵.

Во время проведения традиционной ярмарки в городе Пинега возникла опасность, что прибывшие крестьяне собираются захватить и поделить между собой продовольственные грузы¹⁶.

По словам торгового агента из Архангельска, зимой 1917-1918 г. на участке Северной железной дороги, по которой доставлялся в Европейскую Россию сибирский хлеб, станции и разъезды «представляют из себя потрясающую картину, поезда стоят, остановлены с товарами и продовольствием, подвергаются полному расхищению со стороны окрестных жителей и “товарищей”, которые приезжают из деревень на сотнях подводах целыми партиями, вооруженные кто чем попало, если встречают сопротивление со стороны железнодорожников, то с ними самая ужасная расправа... <...> По станции валяются разорванные мешки пшеницы, разбиты ящики всевозможных товаров, а что касается вагонов – двери поломаны, все приведено в прах...»¹⁷

Конфликты, которые в малолюдных северных деревнях чаще происходили не внутри самого общества, а между деревнями, нередко сопровождались «набегами» или «походами» на соседей, что толкало крестьян создавать «отряды самообороны» - предтечу партизанских отрядов гражданской войны.

Началось все с призыва к соседям участвовать в совместных погромах помещичьих и купеческих усадеб. Например, крестьяне Березничевской волости Никольского уезда Вологодской губернии «послали своих представителей» в соседнюю волость, призывая их присоединиться к коллективным погромам; те «отказались, и решили организовать оборону от подобных погромов в своей волости - вооруженную охрану для охраны и соблюдения порядка»¹⁸.

Когда уездные и волостные власти стали облагать сельские общества налогами, то деревни, считавшие себя «бедными», создавали отряды «красной гвардии», чтобы заниматься насильственными реквизициями в «богатых» селах, население которых в свою очередь оборонялось, создавая свои «отряды»¹⁹.

На севере даже на сравнительно небольшой территории могут существовать различные климатические условия; в результате, в соседних поселениях оказывались разные условия для земледелия. По этой причине деревни разделялись на бедные и зажиточные, и на этом основании между ними могли возникнуть неприязненные отношения. С развитием отхожих занятий население деревень, расположенных ближе к городам, к

транспортным путям, получило больше возможностей для заработка, а соответственно, и для повышения благосостояния. С другой стороны, близость к городам и дорогам, большая экономическая активность населения и его стремление к географической мобильности вели к нарушению традиционной культурной стабильности, что тоже способствовало нарастанию напряжения между соседствующими населенными пунктами.

В нестабильную эпоху межобщинная неприязнь проявлялась с особой силой. Все старые, забытые конфликты актуализировались, усилившись за счет психологического напряжения, развившегося в предшествующие годы. Своя, местная «гражданская война» содержала в себе коллективную память о каких-то давних, возможно, вооруженных конфликтах между местностями. Во время так называемого «восстания мобилизованных» в Шенкурском уезде (летом 1918 г.) жители так называемых «нижних», пригородных деревень «жили в ожидании чего-то страшного, крестьяне прятали имущество, старушки молились, все чего-то боялись. Шептались, что верхние волости идут, чтобы <...> отобрать хлеб в нижних волостях и увезти» к себе²⁰.

Волость, не поддержавшая восстания, подвергалась обструкции «со стороны соседних волостей», выразившаяся в том, что ее населению «запрещали пользоваться проездными дорогами», «кожники отказывались принимать у них на выделку кожу и заказы на изготовление валенок»; соседи воспользовались сложившейся ситуацией и «захватили спорные луга». А у жителей деревень, на которых эти экономические меры были направлены, формировались другие страхи: придет отряд «выжечь [их] деревни, увести скот, коров, лошадей, имущество»...²¹

Особенностью малолюдных северных губерний стало еще одно своеобразное явление, а именно, стремление мещан небольших уездных городков переписаться «в крестьяне». Дело в том, что уездные центры здесь нередко были созданы искусственно, путем перевода в конце XVIII в. крестьян волости, территория которой была выбрана под «город», в мещане. К XX в. принадлежащие мещанским общинам небольших северных городов земельные угодья находились в аренде у крестьян ближайших волостей, а те, пользуясь революционными событиями, - где безвластием, а где, напротив, поворачивая в свою пользу законы новой власти, - забирали эту землю себе на основании «права на средства производства тех, кто ими пользуется». В результате, крестьяне в глазах мещан находились в «привилегированном положении», так как имели определенные льготы при пользовании лесами, что давало им, заготавливая и продавая городскому населению дрова, иметь стабильный и высокий заработок. Это и актуализировало желание части мещан, продолжавших заниматься крестьянскими делами, вернуться «в

первобытное (то есть крестьянское) состояние». Например, жители города Пинеги (население которого даже в начале XX века немногим превышало тысячу человек), по их словам, «имеющие несчастье именоваться мещанами», начали «ходатайствовать о перечислении в сельское состояние», то есть фактически ставили вопрос «об упразднении самого города»; тем более, что после 1917 года «сельские жители пользовались ...еще такой неслыханной льготой, как полный неплатеж каких-либо налогов и местных сборов»²².

Когда население руководствовалось только получением дополнительной выгоды, их действия были не слишком агрессивными. Если же возникала действительно жизненно необходимая экономическая причина, тогда крестьяне стремились к захвату не только «своего», с их точки зрения, но и «чужого», если могли найти хоть какую-то, оправдывающую их причину для этого. В 1917-1918 годах происходит массовый захват спорных земель, и если обиженная сторона (то есть то общество, право которого на спорный участок поддерживалось «старым» законом) надеялась на разрешение спора в судебном порядке, то «захватчики» являлись для выяснения вопроса «с гиканьем и воинственно поднятым над головой дрекольем»²³.

Как видим, в революционную эпоху конфликты крестьян происходили либо с инородными элементами, либо с крестьянами других сельских общин. Что касается внутреннего раскола северной деревни, то экономические предпосылки к нему, разумеется, существовали, и давно. Долгое время болезненным был вопрос расчисток, которые при введении земельной общины не были включены в общий передел. Правительство лишь ограничило права владельцев, запретив в течение 40 лет продавать или любым другим способом передавать расчистки в другие руки. Через 40 лет, то есть в 1870-е гг., расчистки должны были перейти в общий земельный фонд, но в связи с крестьянской реформой решение этого вопроса было вновь отложено, и в таком состоянии просуществовало до 1917 г.²⁴

Для большинства крестьян, имевших нужду в земле, но не желающих или не имеющих возможности заниматься тяжелыми и дорогостоящими расчистками, проблема была решена возможностью сторонних заработков. Но в подсознании мечта о «черном» (справедливом) переделе продолжала жить, актуализировавшись в революционную эпоху, когда на местном уровне массово принимались решения о включении расчищенных земель в общий земельный фонд.

Однако в местных климатических условиях занятия сельским хозяйством не позволяли стать достаточно зажиточными, поэтому

вынужденная передача владельцами своих расчисток в общий передел не могла существенно нарушить внутриобщинную солидарность.

Наличие более явной имущественной дифференциации было связано с отхожими занятиями. Эта форма социальной и географической мобильности позволяла некоторым крестьянам существенно разбогатеть. Как правило, такие успешные земляки не вызывали раздражения у крестьян, поскольку существовала традиция оказания помощи, мотивацией к которой было и желание продемонстрировать свой социальный успех, и родственные отношения (тесно связывающие жителей малолюдных северных деревень), и чисто прагматическая необходимость заручиться поддержкой односельчан на случай получения паспорта для отхожих занятий. Проживавшие в столичных городах успешные земляки оказывали помощь в подыскании своим односельчанам городской работы, устраивали их детей для профессионального обучения, предоставляли возможности заработка; в случае необходимости оказывали и материальную помощь.

Кстати, после возвращения в 1917-1918 годах из голодных городов таких разбогатевших отходников, односельчане нередко защищали их от налагаемых на них как на «представителей буржуазии» налогов.

Таким образом, раскола по социальному или имущественному признаку в северной деревне не происходило; более того, необходимость воспользоваться революционным безвременьем для решения, как казалось, направленных на коллективное самосохранение задач, привела к укреплению внутриобщинной солидарности. Такая сплоченность деревни создавала сложности не имевших в глазах крестьян легитимности революционным властям при проведении необходимой государству политики (например, при закупке продовольствия или организации воинского призыва). Попытки «договориться» с деревней успеха не имели.

И уже к концу 1918 г. политика большевиков была официально направлена на разрушение внутриобщинной сплоченности крестьян.

---

¹ Сорокин П.А. Современное состояние России. – Прага, 1922. С. 33. Sorokin P.A. *Sovremennoe sostoyanie Rossii.* – Praga, 1922. S. 33 [Sorokin P.A. *The current state of Russia.* - Prague, 1922, p.33]

² Государственный архив Архангельской области (ГААО) Ф. р-2106 . Оп. 1 Д. 33. Л. 159. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti F. r-2106 . Op. 1 D. 33. L. 159 [State archive of the Arkhangelsk region. F. p-2106. Op. 1 D. 33. L. 159.]

³ Прежде всего, это воспоминания, собранные в 1920-е гг. губернскими «комиссиями по истории партии» («Испартами»). См., например: Вологодский областной архив новейшей политической истории (ВОАНПИ) фонд 1332; Государственный архив Архангельской области, отдел документов социально-политической истории (ГААО. Отдел ДСПИ), фонд 8660. См., например: Vologodskij oblastnoj arkhiv novejshej politicheskoj istorii. Fond 1332;

Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii Fond 8660. [First of all, it is the memories collected in the 1920s. provincial "commissions on Party history" ("Ispart"). See, for example: Vologda Regional Archive of Contemporary Political History, Fund 1332.; State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history, Fund 8660]

⁴ Подробнее об этом см.: Трошина Т.И. Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века): монография. – Архангельск: Изд-во ПГУ, 2011. - С. 220-226. Troshina T.I. Dinamika i napravlennost' sotsial'nykh protsessov na Evropejskom Severe Rossii (pervaya chetvert' XX veka): monografiya. – Arkhangel'sk: Izd-vo PGU, 2011. - S. 220-226. [For more information, see: T.I. Troshina. Dynamics and direction of social processes in the European North of Russia (the first quarter of the XXth century): monograph. - Archangelsk: PSU, 2011. - P. 220-226].

⁵ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 10-11. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii. F. 8660. Op. 3. D. 61. L. 10-11 [State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3 D. 61. L. 10-11]

⁶ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 61. Л. 10-11. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii. F. 8660. Op. 3. D. 61. L. 10-11 [State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3 D. 61. L. 10-11]

⁷ Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. р-5867. Оп. 1. Д. 3. Л. 16-19; ГААО Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 401. Gosudarstvennyj arkhiv RF. F. r-5867. Op. 1. D. 3. L. 16-19; Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii. F. 8660. Op. 3. D. 61. L. 10-11 [State Archive of the Russian Federation. F. p-5867. Op. 1. D. 3. L. 16-19; State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3 D. 61. L. 10-11]

⁸ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 4 Д. 81; .ГААО. Ф.1. Оп.4, т.3. Д.1222. Л.90. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii. F. 8660. Op. 4 D. 81; . Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti. F.1. Op.4, t.3. D.1222. L.90. [State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 4. D. 81; State archive of the Arkhangel'sk region. F. 1. Op. 4, t. 3. D. 1222. L. 90]

⁹ ГААО. Ф.301. Оп. 1. Д. 12. Л.105. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti. F.301. Op. 1. D. 12. L.105. [State archive of the Arkhangel'sk region. F. 301. Op. 1. D. 12. L.105]

¹⁰ Сельская поземельная община в Архангельской губернии, по описаниям, представленным в статистический комитет. Вып. II: Кандалакшская община Ковдской волости Кемского уезда. Архангельск, 1884. С. 26; ГААО. Ф. 352. Оп. 1. Д. 576. Л.445. Sel'skaya pozemel'naya obshhina v Arkhangel'skoj gubernii, po opisaniyam, predstavlenным v statisticheskij komitet. Vyp. II: Kandalakshskaya obshhina Kovdskoj volosti Kemskogo uezda. Arkhangel'sk, 1884. S. 26; Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti. F. 352. Op. 1. D. 576. L.445. [Rural land commune in the Arkhangel'sk region, by the descriptions presented in the Statistical Committee. Vol. II: Kandalaksha community, Kovdsk volost, Kem County. Arkhangel'sk, 1884. S. 26. State archive of the Arkhangel'sk region. F. 352. Op. 1. D. 576. L. 445].

¹¹ ГААО. Отдел ДСПИ. Ф. 8660. Оп. 3. Д. 36. Л. 5-7; ГАРФ. Ф 393. О. 2 Д. 24. Л. 33. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoj istorii. F. 8660. Op. 3. D. 36. L. 5-7; Gosudarstvennyj arkhiv RF. F.393. Op. 2. D. 24. L. 33 [State archive of the Arkhangel'sk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3. D. 36. L. 5-7; State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 2. D. 24. L. 33]

¹² Овчинников Н.Я. Работы северных колонизационных экспедиций (1919-1921) – Петроград, 1922. – С. 15. Ovchinnikov N.YA. Raboty severnykh kolonizatsionnykh

---

ehkspeditsij (1919-1921) – Petrograd, 1922. – S. 15. [Ovchinnikov N.Y. Actions of Northern Expedition on colonizing (1919-1921) - Petrograd, 1922. - S. 15.]

¹³ ГАРФ. Ф 393. Оп. 2. Д. 31. Л. 335. Gosudarstvennyj arkhiv RF. F.393. Op. 2. D. 31. L. 335. [State Archive of the Russian Federation. F. 393. Op. 2. D. 31. L. 335]

¹⁴ Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 244. Natsional'nyj arkhiv Respubliki Kareliya (NA RK). F. R-1541. Op. 1. D. 1/9. L. 244. [National Archive of the Republic of Karelia. F. R-1541. Op. 1. D. 1/9.]

¹⁵ ВОАНПИ. Ф. 1332. Оп. 3. Д. 79. Л.43. Vologodskij oblastnoj arkhiv novejshej politicheskoy istorii. F. 1332. Op. 3. D. 79. L. 43 [Vologda Regional Archive of Contemporary Political History. F. 1332. Op. 3. D. 79. L. 43]

¹⁶ ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 3 Л. 86. State archive of the Arkhangelsk region. F. 301. Op. 1. D. 3. L. 86 [State archive of the Arkhangelsk region. F. 301. Op. 1. D. 3. L.86]

¹⁷ ГААО. Ф. 4097. Оп. 1. Д. 19-а. Л. 3. State archive of the Arkhangelsk region. F.4097. Op. 1. D. 19-a. L. 3 [State archive of the Arkhangelsk region. F. 4097. Op. 1. D. 19-a. L.3]

¹⁸ [Сергей Деревенский]. В Никольском уезде. //Вольный голос Севера Северная областная крестьянская газета, издаваемая Вологодским центральным об-вом сельского хозяйства. 1918. 20 января. Sergej Derevenskij. V Nikol'skom uezde. //Vol'nyj golos Severa. Severnaya oblastnaya krest'yanskaya gazeta, izdavaemaya Vologodskim tsentral'nym ob-vom sel'skogo khozyajstva. 1918. 20 yanvary. [In Nicholas County. // The Free Voice of the North. Northern Regional Peasant newspaper, published on the Vologda Central Agriculture Society. January 20, 1918]

¹⁹ ГААО Ф 301. Оп. 1 Д 24. Л. 73, 74, 75-76 State archive of the Arkhangelsk region. F.301. Op. 1. D. 24. L. 73, 74, 75-76 [State archive of the Arkhangelsk region. F.301. Op. 1. D. 24. L. 73, 74, 75-76]

²⁰ Боговой И.В. Из пережитого. О Шенкурских событиях. // Известия Бюро Архангельского губернского исполнительного комитета С.Р. и К.Д. 1918 г. 7 ноября. Bogovoj I.V. Iz perezhitogo. O SHenkurskikh sobyitiyakh. // Izvestiya Byuro Arkhangel'skogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta S.R. i K.D. 1918 g. 7 noyabrya. [Bogovoj I.V. From the experience. About Shenkursky events. // Izvestia of the Bureau of the Arkhangelsk Provincial Executive Committee of Soldiers', Peasants' and Workers' Deputies. 1918. November, 7]

²¹ ГААО Отдел ДСПИ. Ф. 8660 Оп. 3. Д.178. Л. 5-6, 9-10. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 8660. Op. 3. D.178. L. 5-6, 9-10; [State archive of the Arkhangelsk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3. D. 178. L. 5-6, 9-10]

²² ГАРФ Ф. 3811. Оп. 1 Д. 116 Л. 81

²³ ГААО Отдел ДСПИ. Ф. 8660 Оп. 3. Д. 61. Л. 10-11. Gosudarstvennyj arkhiv Arkhangel'skoj oblasti, otdel dokumentov sotsial'no-politicheskoy istorii. F. 8660. Op. 3. D.61. L.10-11; [State archive of the Arkhangelsk region, the Department documents the social and political history. F. 8660. Op. 3. D. 61. L.10-11]

²⁴ Мартынов М. Расчистки в Архангельской губернии. – Архангельск, 1919. Martynov M. Raschistki v Arkhangel'skoj gubernii. – Arkhangel'sk, 1919. [Martynov M. Felled forest land for agriculture in Arkhangelsk province. - Arkhangelsk 1919]